

А. Е. Загребин, К. И. Куликов

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ
В «ПРОБЛЕМНЫХ ПОЛЯХ» ИСТОРИИ УДМУРТИИ
(1920-е – начало 1930-х гг.)***

В первые годы советской власти в России началась активная работа по созданию местной истории. Особенно интенсивно исследовательская и публикационная деятельность велась во вновь образованных автономных регионах, где локальная история должна была принять образ национальной истории. Такая задача стояла, в том числе, перед властью и гуманитарным сообществом Вотской автономной области. Попытки по написанию исторических текстов были тесно увязаны с разработкой проблем традиционной народной культуры, что в целом было характерно для младописьменных народов. Этнография в те годы стала основным средством формирования исторического сознания в национальных регионах Советской России. Свертывание краеведческого движения и критика этнографии на рубеже 1920–1930-х гг. были связаны с утверждением марксистского понимания исторического процесса – формационным подходом, учением о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. За короткое время история Удмуртии проделала сложный эволюционный путь от истории народной культуры к идеологизированной истории края.

Ключевые слова: история Удмуртии, исторические источники, историография, этнография, идеология, власть, марксизм, П. Н. Луппов, М. Г. Худяков.

История как наука и, одновременно, важная составляющая политики, практически во все времена была функционально связана с идеологическим окормлением процессов национально-государственного строительства. Так, растянувшееся на несколько столетий становление европейских наций многократно демонстрировало те закономерности, что позволяют говорить о существовании необходимой последовательности идей, действий и решений, сопровождающих путь народа к современным формам самоорганизации [39. Р. 97–101]. История и литература отвечали в этом движении за духовную консолидацию и воспитание народа в свете избранной модели общественного развития, как правило,

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-11-18005/14 «История и историки в Удмуртии в 1920 – начале 1930-х гг.: исследовательские практики и власть».

на примерах героических событий прошлого [2]. Трудности наступали тогда, когда лица, ответственные за написание истории, заботясь об объективности своих текстов, начинали отыскивать документальные, либо овестьественные свидетельства минувших эпох. Хотя, довольно часто, представляемые на суд профессионального сообщества исторические источники не выдерживали критики, а в отношении младописьменных народов текстовая культура отступала на второй план, уступая место устно-поэтическим, этнографическим и археологическим материалам.

Применительно к истории земель, населенных удмуртами, данное обстоятельство обнаружилось в ходе академических экспедиций XVIII в., когда Г. Ф. Миллер и другие, выехавшие в российские провинции ученые столкнулись не только с ситуацией «акустической экзотики», но и с зачаточным состоянием местной археографии [12. С. 92]. Уже в те годы выход виделся в применении этнографических методик сбора исторической информации, позднее дополненных образцами фольклора и ископаемых раритетов. Некоторое оживление в поиски письменных источников по истории удмуртов и финно-угорских народов России в целом внес в 1820–1840-е гг. А. И. Шёгрэн, чей архив по сей день представляет значительный интерес для изучения [11. С. 197–225]. Тем не менее, пришедшийся на вторую половину XIX в. триумф теории развития заметно усилил позиции науки о народах и культурах, обеспечив лидерство этнографии в вопросах истории удмуртского края. Эффект усиливали многочисленные публикации «из народного быта» сельских пастырей, учителей, чиновников и политических ссыльных, регулярно появлявшиеся в епархиальной, губернской и уездной периодике [24]. Рубеж веков и первые советские десятилетия, казалось, давали шансы для смены исследовательской парадигмы, но отсутствие мотивированных кадров, подготовленных к длительному «архивному сидению» и «библиотечному бдению», не оставляло надежд на скорую перемену.

Завершение активной фазы Гражданской войны на территории Камско-Вятского междуречья и создание в 1920 г. Вотской автономной области (ВАО) актуализировало задачу по организации науки в крае в качестве одного из структурообразующих элементов новой удмуртской идентичности. Наука в этом контексте понималась, прежде всего, как гуманитарная, то есть историко-филологическая работа, целью которой было изучение происхождения, основных этапов истории и важнейших культурных достижений народа, претендующего на право называться нацией. Однако создание национальной истории оказалось делом не менее сложным, чем формирование узнаваемого образа национальной культуры, также являвшееся «проблемным полем» для правительства автономии.

Первая попытка легитимации науки в Удмуртии была предпринята в начале 1923 г., когда был создан Академический центр при Отделе народного образования ВАО, призванный развивать образование народа на научной основе. Ввиду отсутствия в крае ученых-профессионалов было принято решение о приглашении специалистов из петроградских, московских и казанских научных центров. В 1925 г. Облесполкомом была создана языковая комиссия, перед которой была поставлена задача создать единые правила правописания для удмуртского языка [26. С. 63]. Также власти выделяли средства на проведение этнографических

и археологических экспедиций, очевидно, видя целью не только получение новых знаний об этносе, но и дополнительную возможность для просветительского (идеологического) воздействия на него.

Экспедиция как способ получения историко-культурной информации, этнография как форма интерпретации и музей как место презентации становятся в середине 1920-х – начале 1930-х гг. основным научным трендом советской гуманитаристики. Желание властей начать историю «с чистого листа» должно было, тем не менее, опираться на некоторый базис. Попытка вывести в абсолюте историческую социологию в виде такого предмета, как «история общественных форм», оказалась далека от задачи формирования системного знания в силу абстрактности формы и фрагментарности содержания. В полевом исследовании виделась определенная альтернатива «старой школе» изучения истории, тяготевшей к разысканию и толкованию письменных источников – процессу малоподвижному и плохо сочетающемуся с динамикой тотального обновления прежних институтов [36]. Новая стилистика получения исторической информации должна была стать истинно народной, предполагая «хождение в народ» за знаниями как установку времени перемен [25. С. 18–20]. Отправлявшиеся в (ино)родное «поле» лояльные ученые представлялись проводниками культурной революции, а этнография рассматривалась в качестве одного из научных направлений с особыми политическими задачами.

Старейшее на Востоке России объединение профессиональных ученых и любителей-краеведов – Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете раньше других – летом 1919 г. заявило о готовности к «инородчествуведению» в рамках специальной «Востоковедной комиссии» [14. С. 70]. Комиссия была призвана инициировать цепь мероприятий по изучению и преподаванию языков народов Поволжья [4. С. 168]. Начальным шагом должна была стать экспедиция к удмуртам, в ходе которой предполагались сбор информации методом анкетирования населения и составление этнографических карт. Рассматривать этот посыл можно в качестве одного из первых вестников кризиса переломной эпохи в отечественной историографии, когда местная/областная история все громче заявляет о своем праве, используя исследовательский потенциал наук, ранее казавшихся вспомогательными – археологии, фольклористики, статистики, географии и этнографии. В национальных регионах, в особенности – этнографии.

Исключением из этнографического контекста истории удмуртов были публикации П. Н. Луппова (1867–1949), еще в дооктябрьский период обратившегося к проблемам христианизации края и опиравшегося в своих поисках на материалы центральных и местных архивохранилищ [20]. В заслугу ему следует отнести труды по фундированию региональной истории документальными свидетельствами [3. С. 31–60]. При его деятельном участии к середине XX в. сформировался первичный корпус данных о письменных источниках по истории Удмуртии, преимущественно – русских позднесредневековых текстов [9]. Однако, в самом начале 1920-х гг., когда шло формирование органов власти ВАО, включая управление образовательным процессом, важно было наполнить школьные программы хотя бы минимальным объемом знаний о прошлом края, подчеркнув историчность автохтонного населения, ныне претендующего на создание своей истории, развитие национальной культуры и национально-государственное строительство.

Примечательна в этом отношении «Программа по истории Вотского народа», авторы которой призывали «...не только излагать историю в собственном смысле, но и знакомить с архивными документами и вообще с документальными первоисточниками прочитывать документы с разъяснениями и разбором их» [21. С. 12]. Здесь же они справедливо предостерегали от склонности всецело полагаться на этнографическую литературу, в особенности на «любительские труды» [21. С. 14]. Недоверие П. Н. Луппова к этнографическим наблюдениям как к историческому источнику отнюдь не было тотальным. Наверняка он отдавал себе отчет в ограниченных возможностях региональной истории, чье развитие совпало со временем, когда большая часть страны пребывала в послевоенной разрухе, не исключая архивные учреждения, а научные коммуникации по линии «центр-периферия» были значительно подорваны.

Совмещая заботы по организации деятельности губернского архива, преподавание в Вятском педагогическом институте им. В. И. Ленина и работу в НИИ краеведения, П. Н. Луппов ориентировал своих студентов, среди которых было немало представителей национальных меньшинств Вятского края, на комплексное восприятие процесса «делания истории». Так, на занятиях по методике краеведения в 1924 г. им был предложен план широкого анкетного опроса по теме «Влияние революции на быт нацмен», с целью фиксации начальных советских трансформаций в образе жизни местного неславянского населения [28]. Исследование, занявшее несколько лет и проводившееся на территории Вятской губернии, Вотской АО, Марийской АО и Татарской АССР, стало для него личным опытом приближения истории к современности, чья этнографическая специфика лежала, буквально, на поверхности.

В дальнейшем П. Н. Луппов не раз обращался к эвристическим возможностям этнографии, включая непосредственное наблюдение обрядовых действий в удмуртских деревнях [27]. Живя и работая на протяжении почти всей жизни в Вятке, он не переставал находиться в контакте с любителями удмуртской истории, с 1925 г. объединенными под эгидой Научного общества по изучению Вотского края (НОИВК) [1]. Одной из инициатив членов правления НОИВК была идея «заказать» вятскому историку создание «Истории Удмуртии», конечно, в тех реалиях вряд ли осуществимая. Слабость источниковой базы, условность хронологии, вкуче с неразработанностью большинства сюжетов истории края невольно подталкивала «ревнителей удмуртской истории» к полевым практикам. А этнографический поворот, ставший в рассматриваемый период частью научного творчества П. Н. Луппова, в целом отвечал потребностям «удмуртского исторического нарратива» и еще больше – складывающейся интеллектуальной идентичности удмуртов.

В этой связи до некоторой степени символично, что первым директором Удмуртского НИИ стал выпускник Вятского педагогического института Я. И. Ильин (1886–1958), как и его наставник, позитивно воспринимавший полевою (фольклорно-этнографическую) и камеральную (книжную) стороны исследовательского процесса. В Вятке он начал работу над своим главным трудом – сводным указателем опубликованных работ об удмуртах, и к 1924 г. им было найдено свыше 500 названий такого рода. Но рукопись затерялась в Центриздате.

К чести автора, он подготовил новый вариант «Роя книг» – расширенный и исправленный, являющийся точкой отсчета удмуртской научной библиографии [17]. Даже беглый взгляд на выявленные публикации отдавал явный приоритет этнографическим «наблюдениям» и «описаниям» над историко-архивными изысканиями, что в целом было характерно для формирующегося исторического сознания населения регионов, еще недавно находившихся в составе более крупных административно-территориальных единиц.

Пожалуй, единственной большой проблемой для этнографического поворота в деле создания истории Удмуртии стала уверенно нараставшая со второй половины 1920-х гг. экспансия марксистской методологии, подминавшая под себя прежние умеренные схемы теории развития [23. С. 33–34]. Отображение революционных темпов социальных изменений и поиски фактов классовой борьбы постепенно были вменены в обязательную повинность всем, желающим писать и говорить от имени народа. История удмуртских экспедиций и текстов К. П. Герда, В. П. Налимова и М. Т. Маркелова наглядно показала ту идеологическую ломку, что претерпевала отечественная наука о народах [13]. Этнография, ставшая в те годы для многих энтузиастов народоведения личной историей, или даже биографией, оказалась прочно связана с гражданской и политической историей изучаемого региона.

Скудость письменных исторических источников и богатство археологического и фольклорно-этнографического материала, очевидно, подтолкнули еще одного первопроходца истории Удмуртии, М. Г. Худякова (1894–1936), к написанию весьма разноплановых текстов, варьирующихся от краеведческих очерков и полевых отчетов до масштабных исторических сочинений и эпических произведений [8. С. 5–49]. Центральное место среди его трудов по истории удмуртов занимает, появившаяся примерно в середине 1920-х гг. «История вотского народа» [35]. Общий пафос исследования, если не брать в расчет те модные теории, что часто сопровождали искания молодых обществоведов из раннего советского времени, был созвучен старой «гердерианской идее» о самоценности каждой культуры и праве каждого народа на свою историю.

Собственно сам этнографический поворот во взглядах М. Г. Худякова отмечается после его переезда в 1925 г. в Ленинград, где, работая в разных учреждениях, в основном под руководством академика Н. Я. Марра, он поверил в большие реконструктивные возможности работы с «этнографической памятью». В 1930 г., приехав в Ижевск в качестве ученого секретаря Института по изучению народов СССР (ИПИИ), Худяков выступил перед школьными работниками со следующим обращением: *«Дорогие товарищи просвещенцы! Проблема культурной революции одна из главнейших наших задач. Одна из основных наших задач поднять культурный уровень населения и через культурную революцию придти к социализму. Задача, безусловно, трудная. Она упирается в множество наших недостатков. Одним из таких недостатков по работе среди национальностей, а в частности среди удмуртов является почти полное отсутствие материалов, которые вскрывали бы прошлое удмуртов и служили бы ключом для понимания современной истории удмуртского народа. Выполнению этой ответственной задачи в смысле реальной помощи учительству в своей повседневной работе*

с учащимися и взрослым населением берет на себя Институт по Изучению Народов СССР, при Ак. Наук СССР в Ленинграде.

В свою очередь ИПИИ обращается к вам с просьбой полной надежды добросовестного отношения вас к получаемой работе, которая заключается в следующем:

1. Опросить каждого учащегося и каждую учащуюся обязательно удмурта, но ни в коем случае русских по трем графам прилагаемого бланка:

а. Фамилия имя и отчество.

б. Какой деревни.

в. Какого рода (выжы) или воршуда по отцу и по матери.

Последнюю графу, принадлежности опрашиваемого к тому или иному роду (выжы) или воршуду нужно понимать таким образом, например:

Дочь Ивана Мария из деревни Ушур вышла замуж в деревню Данвыр за Степана. В Данвыре её называют не Иван Марья, а Степан Эгра. Если у этой Марии Ивановны из д. Данвыр учится дочь или сын в Ушурской школе I ступени Захарова Анна Степановна или Захаров Петр Степанович то она или он будут Эгра воршуда или выжы по матери. По отцу же так: Предположим, Данвырский этот же Захаров Степан Сидорович выдал дочь Анну замуж в деревню Куака за Димитрия, то его дочь Анну Степановну не будут называть Степан Анна, а обязательно по вотски называли бы если её отец принадлежит к роду Чаб`я, Митрей Чаб`я. Таким образом учащийся или учащаяся Ушурской школы Захаров Петр Степанович из д. Данвыр принадлежит по матери роду Эгра, а по отцу – Чаб`я точно так же Захарова Анна Степановна из д. Данвыр принадлежит по матери роду Эгра, а по отцу к р. Чаб`я» [30].

Примечательно, что научная биография М. Г. Худякова как историка Удмуртии, претерпела еще одну трансформацию, связанную с очередной переменой в настроениях властей по отношению к написанию истории. В конце 1920-х гг. начался закат «золотого века» советского краеведения, одновременно с участвовавшими нападениями на позиции «буржуазной этнографии». Созданное энергией академика С. Ф. Ольденбурга Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) с его отделениями на местах испытывало неприкрытое давление со стороны коллег, уже взявших на вооружение марксистскую идею. Так, став адептом яфетических идей и борцом с «финской экспансией» в советской археологии, Худяков попытался поместить все имевшиеся в его распоряжении знания по истории и культуре удмуртов в рамки жесткой схемы общественного развития. Наиболее рельефно данная композиция была представлена им в рецензии на первую главу учебника по «Истории классовый борьбы в Удмуртии» для средней школы, посвященную ранним периодам истории края [18. С. 7–34]. Тогда, исполняя январское постановление 1933 г. правительства, в стране была развернута работа по подготовке стабильных учебников, включая региональную историю, исполненных по канону марксистско-ленинской науки.

Таким образом, можно сказать, что опыты написания истории Удмуртии в 1920-х – начале 1930-х гг. в целом соответствовали российской историографической динамике. Импульс гражданской активности и ставший его частью научно-исследовательский подъем позволили развиваться плюрализму мнений по проблемам истории, выведя этнологический дискурс на передний план диалога

ученых и власти. Короткая волна признания и даже частичного доминирования этнокультурной тематики и музейных проектов разбилась о требование властей дать стране четкое представление «о прошлом, настоящем и будущем». Внутренняя конфликтность в стане этнографов, на которых была возложена несвойственная им функция обществоведов, привела к кризису во взаимоотношениях с «заказчиком», а неуклюжие попытки прививки марксизма в науку о народах все больше раздражали партийных кураторов. Выбор, сделанный последними в пользу догматизированной, зато предельно ясной теории, во многом предопределил судьбу исторической науки в центре и на местах. Историкам-источниковедам позволялось искать, публиковать и анализировать документы о классовой борьбе, историкам-интерпретаторам – писать о предпосылках, причинах и следствиях социально-экономических процессов в духе формационного подхода, тогда как специалисты в области этничности были вытеснены на периферийные поля сбора и первичной обработки «непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов» [32. С. 226]. Хотя дисциплинарные поражения были не столь фатальны как человеческие жертвы, принесенные этнографами в боях за историю.

Возвращаясь в Удмуртию начала 1930-х гг., мы застаем серьезные перемены в ее интеллектуальном пространстве. Отметив десятилетие создания ВАО цепью юбилейных мероприятий, в том числе помпезной музейной экспозицией, развернутой в помещениях перепрофилированного по этому случаю Свято-Михайловского собора, местные власти начали постепенно охладевать к экспозиционным, экспедиционным и прочим краеведным инициативам. Попытки НОИВК предлагать всевозможные варианты сохранения, изучения и использования регионального историко-культурного наследия пропускались сквозь призму идеологически выверенного оценивания [38]. Советская модернизация в таком «старо-промышленном» и одновременно национальном регионе как Удмуртия имела свои особенности, но осуществлялась проверенными механизмами трансляции властных идеологем – дискредитацией крестьянского образа жизни («Лудорвайское дело») и атаками на безыдейную интеллигенцию («Гердовщина»), не замечающую свершений в деле строительства нового мира.

Определенный пиетет сохранялся перед столичными учеными, чьи полевые исследования пока нельзя было поставить под жесткий контроль. Тем не менее уже в 1931 г. экспедиция Центрального музея народоведения была подвергнута суровой критике в местной печати за то, что приезжие этнографы уделяют излишне пристальное внимание «пережиткам» в быту удмуртов, как будто намеренно игнорируя успехи советской власти [16. С. 8–9]. Свои же были всегда на виду, поэтому люди, на протяжении первого советского десятилетия писавшие историю края, собиравшие и представлявшие культуру Удмуртии, были поставлены перед моральным выбором – безоговорочно принять безальтернативный путь либо отойти в сторону.

В личностном изменении это выглядело примерно так – Г. Е. Верещагин (1851–1930), еще до революции признанный профессиональным сообществом ведущим знатоком этнографии удмуртов, тихо скончался в безвестности и нищете в Ижевске [6]; известный этнограф и фольклорист М. И. Ильин (1876–1935), получив от ОГПУ упрек в «антисоветской деятельности всего НОИВК и Ильина

в частности», счел необходимым отказаться от всех постов и удалиться в деревню «...дабы иметь <...> возможность всецело посвятить себя делу систематизации своих разнообразных трудов на остатке своей жизни...» [31. Л. 178–179об.]; поэт, этнограф и фольклорист К. П. Герд (1898–1937) – ставший символом пробуждающейся удмуртскости, отчаявшись в борьбе со вчерашними друзьями, завистниками и соглядатаями, пребывал в незавидной должности преподавателя ижевской совпартшколы, вынуждено оправдываясь в прежних «заблуждениях» [10. С. 90]; один из создателей автономии, врач по профессии и ученый-гуманитарий по духу, Т. К. Борисов (1891–1943), будучи Председателем Облсполкома, гласно и негласно поддерживавший молодую удмуртскую интеллигенцию, в конце 1920-х гг. не по своей воле покинул родной край [33. С. 14]. Этот список можно было бы продолжать долго.

Заведя ситуацию в интеллектуальный тупик, власть остро нуждалась в людях, желательно, объединенных в рамках государственного учреждения, на которых была бы возложена обязанность по производству идеологически безупречного продукта в части регионального историописания и исторического документирования. Благо такого рода научно-исследовательские организации уже появлялись в стране, где после ликвидации ЦБК и роспуска многочисленных краеведческих обществ возник кризис идеи местной истории [37. С. 19]. В областных центрах, в которых имелись высшие учебные заведения, проблему отчасти решали кафедры истории или отдельные специалисты, строящие исследования на местном материале. В союзных республиках создавались собственные Академии наук с профильными институтами истории, а в автономных образованиях шел процесс организации комплексных институтов при местных правительствах, призванных содействовать продвижению новой социалистической культуры. Функция подготовки кадров историков, прежде всего школьных учителей истории и обществоведения, воспитанных в духе «единственно верной» теории и методологии, была возложена на пединституты. Так, например, в Удмуртском государственном педагогическом институте (УГПИ) с 1934 г. начал работу историко-филологический факультет.

Весной 1931 г. бюро Удмуртского Обкома ВКП(б) принимает постановление о создании в Ижевске самостоятельного научно-исследовательского института имени 10-летия Удмуртской автономной области [29. С. 28–29]. Плод компромисса между партийной бюрократией и гуманитарным сообществом – институт был призван принять интеллектуальное, в том числе архивное и библиотечное наследие НОИВК и частных собраний любителей истории местного края. Соблюдение установленных работодателем правил гарантировало научным сотрудникам более чем скромное, зато стабильное финансирование исследовательской деятельности. Также, несмотря на постепенное угасание этнической мобилизации, нельзя было не учитывать стремление молодой удмуртской интеллигенции к творческой самореализации [15. С. 399]. Поиски баланса отразились и в подборе кандидатур на директорскую должность. Власть остановилась на фигуре Я. И. Ильина, окончившего на тот момент аспирантуру НИИ народов Советского Востока и имевшего положительный опыт руководства Можгинским педагогическим техникумом [34. С. 61–62; 103–105]. Проблемой для них было то, что всячески проявлявший свою лояльность кандидат был заподозрен в связях

с опальным «идеологом кулачества» К.П. Гердом [5. С. 86–87]. Этого оказалось вполне достаточно для принесения его в жертву стремительно раскручивающемуся с весны 1932 г. органами Нижегородского ОГПУ так называемому Делу «СОФИН» (Союз освобождения финских народностей) [19. С. 224]. Личная драма первых директоров института, историков – Я. И. Ильина, В. А. Максимова и Ф. П. Макарова сошлась со временем «великого перелома» в сознании людей науки, так недавно думавших о возможностях выбора тематики, методологии и прочих иллюзиях. В измененной парадигме не спасало даже публичное «отмежовывание» и саморазоблачение.

Движение по проблемным полям истории Удмуртии было для исследователей тех лет сначала сродни затейливой игре в термины и методы, когда синтез этнографических, археологических и фольклорно-лингвистических данных виделся отличительным знаком квалифицированного и верифицируемого исторического текста; затем, по нарастающей – все более простым и лапидарным следованием заданной траектории научного поиска. Рост публикаций тематически выверенных документов и материалов, начиная с середины 1930-х гг., также стал знаменем изменившегося времени, когда работы о революциях, классовой борьбе, гражданской войне и ее красных героях составили львиную долю печатной продукции историков [22]. Шок, испытанный удмуртскими гуманитариями «после Герда», усугубился нарастающим страхом последующих репрессий, а спасительная ниша «истпарта» оказалась столь же уязвима для критики, что и недавние этнологические увлечения.

Вынужденный отказ от «сложноподчиненной» и этнически окрашенной истории, безусловно, имел свои последствия для судьбы этнографии в Удмуртии. От пугающего внимания одних, равно и безразличия других, постепенно угасало одно из перспективных исследовательских направлений. Но, очевидно, в нем исторически был заложен полезный потенциал знания, что позволило спустя годы вернуться к оставленным сюжетам на новом уровне историографической культуры [7]. Впрочем, длительное дисциплинарное размежевание с историей отчасти способствовало легитимации этнографии в качестве самостоятельной исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Александров А. А.* П. Н. Луппов – ученый и краевед // Записки Удмуртского НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1968. Вып. 20. С. 221–229; *Максимов В. А.* Большой друг удмуртского народа // Там же. С. 230–236; *Садаков М. А.* П. Н. Луппов – первый историограф Удмуртии // Там же. С. 202–221.

2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

3. *Бердинских В. А.* Историк на грани веков: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1991. 128 с.

4. *Бобровников Н. А.* Об учреждении Востоковедной комиссии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1919. Т. 30. Вып. 2. С. 167–174.

5. *Богомолова З.* «Человеческие» документы. Выбранные страницы из многотомного «Дела» К. Герда: т. II, № 232, архив 2459 // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1998. С. 71–89.

6. *Владыкин В. Е., Загребин А. Е.* Торо удмуртской этнографии // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск, 2004. С. 19–23.

7. *Владыкин В. Е.* Этнография // Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1970. С. 92–101; *Он же.* Из истории этнографического изучения удмуртов // Записки УдНИИ. 1970. Вып. 22. С. 117–140; *Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.

8. *Гришкина М. В., Кузьминых С. В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М. Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 5–49.

9. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 420 с.

10. *Ермаков Ф. К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.

11. *Загребин А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.

12. *Загребин А. Е.* Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 85–94.

13. *Загребин А. Е., Шарапов В. Э.* Новые материалы об экспедиции В. П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 10–14; *Загребин А. Е., Чураков В. С.* Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.

14. *Загребин А. Е.* Казань: общественные инициативы и этнография удмуртов в первые советские десятилетия // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3. Серия: Гуманитарные науки. С. 69–75.

15. *Загребин А. Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 398–402.

16. *Зеленцов В.* Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля; *Загребин А. Е. В. Н. Белицер и этнография удмуртов // Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В. Н. Белицер): альбом.* Ижевск, 2013. 84 с.

17. *Ильин Я.* Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных (с 1762 до пол. 1928 г.). Ижевск: НОИВК, 1929. 86 с.

18. *Кильдибеков П. В.* Доклассовое общество в Удмуртии // П. В. Кильдибеков, Ф. П. Макаров. История классово-борьбы в Удмуртии. Для средней школы. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 142 с.

19. *Куликов К. И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. 368 с.

20. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899. 298 с.; *Он же.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1911. Вып. 1-2. 568 с.

21. *Луппов П., Поздеев И.* Программа по истории Вотского народа. Ижевск: Обл. упр. гос. изд-ва ВАО, 1921. 16 с.

22. За марксистско-ленинскую историю Удмуртии: Сб. статей и материалов. Ижевск: Удпартиздат, 1934. 87 с.; *Максимов В. А.* Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание. Ижевск, 1933. 68 с.; *Он же.* Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935. 84 с.; *Макаров Ф. П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. 132 с.; *Он же.* Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935. 48 с.; К боевой биографии Азина: материалы и документы / Сост. Ф. П. Макаров. Ижевск, 1935.

98 с.; Вахрушев А. Н. Программа по истории классовой борьбы в Удмуртии: Проект: В порядке обсуждения // Труды Удмуртского комплексного НИИ. 1935. Сб. 1. С. 41–50.

23. Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 3–38.

24. Мельникова О. М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 76–86.

25. Мейрс, ван В. Советская этнография: охотники или собиратели? // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 9–42.

26. Васильева О. И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск, 1991. 210 с.

27. Проходя в 1921 и 1924 гг. курс процедур в грязелечебнице близ с. Варзи-Ятчи Можгинского уезда ВАО (ныне Алнашский район УР), П. Н. Луппов около трех месяцев занимался изучением этнографии южных удмуртов. См.: Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзиатчинского края, Вотской Автономной Области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1927. Вып. 3. С. 81–114.

28. Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и коммент.: А. Е. Загребина и А. А. Иванова. Ижевск–Йошкар-Ола, 2008. С. 19–20; Загребин А. Е., Иванов А. А. Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 76–83.

29. Родионов Н. А. Становление и развитие института (1931–1945 гг.) // Институт: история и современность. К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук: Сб. статей. Ижевск, 2001. С. 27–79.

30. Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М. Г. Ед. хр. 17.

31. Рукописный Фонд Научно-Отраслевого Архива УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2–Н. Д. 532.

32. Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.

33. Трофим Борисов: штрихи биографии. Ижевск: Удмуртия, 2011. 16 с.

34. Христоробова Л. С. Ильин Яков Ильич // Ученые-удмурты. Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 859 с.; Загребин А. Е. Я. И. Ильин – первый директор УдНИИ // Наука в УГПИ – УдГУ: история, современное состояние, перспективы. Ижевск: УдГУ, 2011. С. 103–105.

35. Худяков М. Г. История вотского народа // М. Г. Худяков. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 129–214.

36. Чураков В. С. Обзор фольклорно-этнографических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е – 30-е гг. XX в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2. С. 102–115.

37. Юманкулов. Работа научно-исследовательских краеведческих институтов // Советское краеведение. 1932. № 1. С. 18–19.

38. Юрпалов А. Ю. К истории Научного общества по изучению Вотского края // Связующая нить этнокультуры: Сб. статей. Ижевск, 2009. С. 239–252; Он же. Свято-Михайловский собор в г. Ижевске: попытка спасения // Российский город в исторической ретроспективе: Сб. статей. Ижевск, 2010. С. 307–312.

39. Hroch M. Historical belles-lettres as a vehicle of the image of national history // National History and Identity / Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6. P. 97–108.

A. E. Zagrebin, K. I. Kulikov

Ethnographical Turn in the ‘Problem Fields’ of the History of Udmurtia (1920-s – beginning 1930-s)

In the first years of the Soviet power in Russia active work on creation of local history began. Especially intensive research and publishing activity was conducted in the newly established Autonomous regions, where local history had to take the way of national history. This task concerned the authorities and the humanitarian community of Votyak (Udmurt) Autonomous region. Experiments on writing historical texts have been closely linked to development problems of the traditional folk culture, which in general was typical for youth-literature peoples. Ethnography in those years became the main tool of formation of historical consciousness in the national regions of the Soviet Russia. The curtailment of the local history movement and criticism of Ethnography at the turn of the 1920–1930-ies were related to the approval of the Marxist understanding of the historical process – formational approach, the theory of class struggle and the dictatorship of the proletariat. In a short period of time the history of Udmurtia has done a complex evolutionary path from the history of ethnic culture to ideological history of the region.

Keywords: history of Udmurtia, historical sources, historiography, ethnography, ideology, authority, Marxism, P. N. Luppov, M. G. Khudyakov.

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Куликов Кузьма Иванович,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Zagrebin Aleksey Egorovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: adm@udnii.ru

Kulikov Kuzma Ivanovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: adm@udnii.ru